

actions which are possible to operate without; increase of return from those actions which are carried out; consecutive release of qualified professionals from fulfilment of actions which can be carried out by workers of lower qualification.

Practice of activity of law enforcement bodies shows that they do not cope with the mass of modern criminality which has changed qualitatively and has increased quantitatively. Its consequence is not only necessity of mobilisation of internal reserves of law-enforcement departments, but also raising a question on possibility of finding means against sluggishness of criminal justice not only using means and methods peculiar to it, but also by a better definition of priorities in criminal policy, both in terms of the form, and the content: use of the principle of expediency of criminal prosecution; compromise of the victim and the accused, replacing judicial investigation; expansion of investigation procedure differentiation of criminal cases diverse as for their danger categories; establishment of the definite size of the sum of damage on property crimes, below which incident would be registered, but is not investigated; exclusion work on criminal cases without any prospects for investigation (except for particularly dangerous crimes); estimation of work of a body on the basis of productivity of its activities on revealing, disclosing and investigation of particularly dangerous crimes and acts with considerable material and other consequences; provision of the procedure of compromising in the trial (agreement of the parties on the volume and nature of responsibility). Solution of the mentioned and similar questions by the legislator would essentially strengthen protection of rights and interests of the person (including suspected and accused whose destiny is being decided about now for months and years, including those who are eventually justified), and strengthen productivity and effectiveness of struggle against criminality, promote improvement of law enforcement officers work quality, and lower necessity of "manipulation" with indicators.

ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ПРАВОСУДИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ УКРАИНЫ И МОЛДОВЫ: ОТЛИЧИЯ В ЧАСТНОСТЯХ, ОБЩЕЕ В БАЗИСЕ

С. МИРОШНИЧЕНКО

прокурор Черниговской области кандидат юридических наук

SUMMARY

The comparative analysis of legal regulation mechanisms of crimes against justice in Ukraine and republic Moldova and other countries of former USSR was held, taking into consideration the historical component of state building and the development of their legal system, determined trends of structuring the penal code, categories of crime and their role in the main part of panel codes.

Key words: basis of legislation, penal code, justice, crime, the Constitution

* * *

Проведено порівняльний аналіз механізмів правового регулювання відповідальності за злочини проти правосуддя в Україні, Республіці Молдова, а також інших колишніх республік СРСР, з урахуванням історичної складової розбудови держави та розвитку їх правових систем, визначено тенденції структурування кримінального закону, категорії злочинів та їх місце в особливій частини кримінальних кодексів.

Ключові слова: основи законодавства, кримінальний кодекс, правосуддя, злочини, конституція

Проведен сравнительный анализ механизмов правового регулирования ответственности за преступления против правосудия в Украине, Республике Молдова, а также других бывших республик СССР, с учетом исторической составляющей государственного строительства и развития их правовых систем, определены тенденции структурирования уголовного закона, категории преступлений и их место в Особенной части уголовных кодексов.

Ключевые слова: основы законодательства, уголовный кодекс, правосудие, преступление, конституция.

Изложение основных положений. Истоки зарождения и особенно дальнейшее развитие любого государства, независимо от общественно-экономических формаций, всегда были определяющими для понимания его роли в механизме правового регулирования сложившихся общественных отношений.

В равной мере, а по нашему убеждению – в первую очередь, изложеное является справедливым применительно и к механизму государственного регулирования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правоотношений.

В отличие от общности образования и исторического развития славянских государственных систем нынешних Украины, Беларуси и Российской Федерации (отсутствие языкового барьера, существенных бытовых различий, единство веры), общность право-

вых систем Украины и Молдовы имеет несколько иное содержание. В частности, если не упоминать турецкого влияния (вплоть до XIX века) на развитие государственности нынешней Республики Молдова, польского – на Украину, и господствующего (вплоть до известных событий 1917 года) влияния

на оба государства – Российской империи, необходимо обозначить следующий общеизвестный исторический факт: в 1924 – 1940 гг. Левобережная Молдавия на правах автономной республики входила в состав УССР. После воссоединения автономной республики с Бессарабией, которая до августа 1940 г. находилась под влиянием Румынии, вновь образованная Молдавская Советская Социалистическая Республика вошла в состав СССР на правах равноправного государственного образования. Непростой путь становления Молдовы как независимого государства определялся Конституциями 1938, 1941, 1978 гг.

Таким образом, определенное, хотя и непродолжительное время, правовые системы нынешних независимых государств – Республики Молдова и Украины имели единую основополагающую базу – Конституции УССР 1919, 1929 и 1937 гг. А в контексте нашего исследования проблем противодействия преступлениям против правосудия имели и единую уголовно-правовую основу – Уголовный кодекс Украинской ССР 1922 г., а затем 1927 г., действие которого достаточно продолжительное время распространялось на территории Молдавской автономии. В частности, статьей 47 УК УССР было определено, что «... право освобождать осужденных от применения к ним мер социальной защиты... принадлежит ... в отношении приговоров народных судов и Главного суда Молдавской АССР – также и Центральному Исполнительному Комитету Молдавской АССР...» [1]. Что касается Бессарабии (Правобережной Молдовы), то вплоть до августа 1940 г. (воссоединение Молдовы в единую республику – МССР и вхождение в СССР) уголовно-правовые отношения регламентировались Уголовным кодексом Куза 1864 г. (рум. Codul penal al Republicii Moldova).

Определяющим критерием правового, демократического, социально обусловленного государства, как справедливо отмечается веду-

щими учеными, является уровень доступности правосудия, его прозрачность и беспристрастность.

К научному сравнительно-правовому исследованию криминологических и уголовно-правовых проблем борьбы с преступностью обращались известные ученые, в частности, В.Г. Бужор, В.В. Голина, В. И. Гуцуляк, А.П. Закалюк, В.С. Зеленецкий, А.Ф. Зелинский, А.Г. Кальман, Я.Ю. Кондратьев, В.А. Навроцкий, В.В. Сташис, В.Я. Тацкий, В. Флоря.

Указанная проблема исследовалась в сравнительном правоведении, в т.ч. и по преступлениям против правосудия, в трудах таких российских ученых как А.В. Галаховой, И.М. Тяжковой, Л.В. Лобановой и других.

Уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и иные аспекты противодействия преступности государств-участников СНГ исследованы в работах Ю.М. Антоняна, К.К. Горяинова, В.Г. Гриба, Г.В. Дашкова, Т.А. Денисовой, Р.А. Журавлева, С.В. Дякова, М.И. Мельника, М.И. Хавронюка, В. Урсу и других ученых.

Сравнительно-правовой анализ, как метод научного познания, вместе с тем, учеными обычно использовался для исследования различий в квалификации конкретных преступных посягательств, в т.ч. и в сфере правосудия. По итогам таких исследований, как правило, обосновывались выводы касательно нецелесообразности, или, наоборот, справедливости объединения в одной правовой норме двух или более квалифицирующих признаков, адекватность санкций в зависимости от общественной опасности совершенного преступления.

Мы подошли к сравнительному анализу правового регулирования ответственности за преступления против правосудия несколько по иному, выделив, в частности, исторический аспект развития законодательства Украины и Республики Молдова, образовавшихся на территории бывшего СССР, правовые

системы которых определенное время развивались как единое целое.

Следует отметить, что уголовные кодексы Украинской ССР (1922г. и 1927г.), так же как и уголовные кодексы РСФСР (1922г. и 1926г.) или других союзных республик, не содержали отдельной (специальной) главы (раздела), правовые нормы которых предусматривали бы ответственность за преступления в серии правосудия.

В частности, УК РСФСР 1922 [2] года предусматривал ответственность за вынесение судьями из корыстных или иных личных побуждений неправосудного приговора (ст.111 УК), которая относилась к главе II «Должностные (служебные) преступления». Именно к этой категории преступлений были отнесены и незаконные задержания или принуждения к даче показаний (ст.112), а также взятие (из корыстных побуждений) под стражу, как меры пресечения.

Что же касалось недонесения о совершенном преступлении (ст.89) или заведомо ложное сообщение о его совершении (ст.90), то они были отнесены к категории «преступлений против порядка управления». К этой же категории относились и преступления (ст.94-95) против порядка исполнения наказаний (в частности, побег из-под стражи, из мест лишения свободы и т.п.).

Почти полностью воспроизвели уголовное законодательство РСФСР по своей содержательной сути и оба (1922 и 1927 гг.) Уголовные кодексы Украинской ССР.

На наш взгляд, указанное и не должно вызывать удивления, поскольку обуславливалось историческим развитием славянских народов, родством культуры и, не в последнюю очередь, длительным пребыванием в едином государственном образовании (Российской империи) вплоть до событий 1917 года, гражданской войны и вхождения в 1922 году в Союз ССР в составе трех славянских республик и Закавказской СФРП (Азербайджан, Армения, Грузия).

Реформа законодательства, которая началась в конце 90-х годов, основывалась на конституционном принципе разделения власти, что предопределило необходимость обеспечения независимости и устойчивости судебной власти и, как следствие, совершенствование уголовно-правовой защиты от преступных посягательств.

Украина, как и большинство бывших республик Союза ССР, которые согласно принятым Конституциям провозгласили свою государственность, почти одновременно приняли и новые Уголовные кодексы. Так, Уголовный кодекс Украины вступил в силу с 1 сентября 2001г., Российской Федерации с 1 января 2000г., Грузии - с 1 июня 2000г., Азербайджанской Республики - с 1 сентября 2000г.

Почти одновременно были приняты и введены в действие Уголовные кодексы Республики Молдовы и других стран СНГ.

Ныне действующий (с 2001) Уголовный кодекс Украины значительно (до 30 статей) расширил перечень преступных посягательств против правосудия, структурно также объединенных в одноименный раздел.

То есть, четко прослеживалась тенденция к увеличению количества норм о преступлениях в сфере правосудия, однако, прежде всего за счет посягательств, которые заключаются в противоправном посягательстве на работников правоохранительных органов, а также за невыполнение решений судов, точнее – за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы и за нарушение правил админнадзора. Такая тенденция давала возможность сторонникам концепции расширенного понимания термина «правосудие» утверждать о дальнейшей демократизации общества в целом и совершенствовании правосудия в частности.

Отдельные исследователи – авторы сравнительно-правового анализа [3], прежде всего российской научной школы, пришли к неверным, на наш взгляд, выводам,

полагая, что в основу нового национального уголовного законодательства были заложены принципы Модельного уголовного кодекса, принятого Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств в феврале 1996г. [4].

По нашему убеждению, основой принятия новых (ныне действующих) уголовных кодексов на территории бывшего Советского Союза стали именно Конституции Союза стали именно Конституции республик, которые получили независимость, а никак не вышеупомянутый декларативный акт рекомендательного характера. Такой вывод, в частности, основывается на провозглашении каждым государством на конституционном уровне разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Более того, ныне действующие конституции каждой бывшей союзной республики содержат самостоятельный раздел (главу) – «правосудие». Обозначены и гарантии его осуществления, кстати, как и всеми Конституциями времен советской эпохи. Так, Конституция Украинской ССР 1937 [4] содержала специальный раздел VII «суд и прокуратура», 1978 года [5] – объединенный раздел VIII «правосудие, арбитраж и прокурорский надзор», который подразделялся на две главы: «суд и арбитраж» (18) и «прокуратура» (19). Уже в те времена на наивысшем (конституционном) уровне гарантировалась неприкосновенность судей, предусматривалась ответственность за «... любое вмешательство в деятельность ... по осуществлению правосудия ...» (ст.153 Конституции УССР 1978г.).

Конституция 1938г. Молдавской автономии также содержала специальную главу, которая нормативно закрепила деятельность судебных органов и прокуратуры.

На наш взгляд, существенное влияние на структуру национальных уголовных кодексов оказали также и Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. [7]. Прежде

всего ст.3 и ст.7 Основ, которые стали отправной точкой для современного структурирования уголовных кодексов союзных республик, а в дальнейшем - и кодексов независимых государств. В частности, Уголовный кодекс Украинской ССР 1960 г. [8], принятый в развитие Основ, содержал 15 статей, объединенных в отдельную главу - «Преступления против правосудия». В дальнейшем эту главу было дополнено еще 9 составами преступлений. Тоже касается и Уголовного кодекса Молдавской ССР 1961 г.

Что же касается Модельного уголовного кодекса, то задекларированные им принципы структурирования уголовно-правовых норм в национальных кодексах были восприняты законодателями разных стран по-разному.

Так, несмотря на то, что все правовые нормы, которые на взгляд законодателя могли защищать правосудие от преступных посягательств, сосредотачивались в одной специальной главе - «преступления против правосудия», сами главы относились к различным разделам национальных кодексов.

В частности, в Уголовном кодексе Республики Беларусь [9] глава 34 «преступления против правосудия» включена в раздел XIII «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления». В этот же раздел была включена и совокупность преступлений против государства (глава 32) и против порядка управления (глава 33). То есть, на наш взгляд, указанное структурирование правовых норм уголовного закона полностью соответствует ст. 6 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «государственная власть ... осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную, государственные органы ... самостоятельны ..., взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга».

В контексте соответствия конституционному (ст.7) разделению государственной власти является

и конструкция Уголовного кодекса Азербайджанской Республики [10]: глава 32 «преступления против правосудия» также размещена в разделе XI «Преступления против государственной власти» наряду с соответствующими главами о преступлениях против интересов государственной службы и против порядка управления.

Раздел XII Уголовного кодекса Грузии «Преступления против судебной власти» состоит из четырех глав – XLI, XLII, XLIII, XLIV, четко разграниченных по кругу общественных отношений, на которое совершается посягательство [11]. Так, отдельная глава XLI «Преступления против деятельности судебных органов» предусматривает ответственность только за посягательство на собственно правосудие (т.е., при рассмотрении конкретных дел), глава XLII – за посягательства на процессуальный порядок получения доказательств, глава XLIII – раскрытие преступлений, глава XLIV – исполнения судебных решений.

Значительно отличается от вышеприведенных структура действующего (2002 г.) Уголовного кодекса Республики Молдова [12]. Так же, как и Уголовный кодекс Украины (2000 г.), он подразделяется на самостоятельные главы (в УК Украины – разделы), одна из которых (XIV) объединяет правовые нормы, устанавливающие ответственность за преступления против правосудия. Кодексы обоих государств содержат другие отдельные самостоятельные главы (разделы), которые предусматривают ответственность за должностные преступления (соответственно глава XV КК РМ и раздел XVII УК Украины), за преступления против публичной власти и безопасности государства (главы XVII УК РМ и раздел XV УК Украины).

Мы не ставим целью этого исследования углубленный анализ конкретных составов преступлений против правосудия, признанных таковыми законодателями Молдовы и Украины. Отметим только, что не-

смотря на различия в количественном исчислении статей (21 – в КК Молдовы и 30 – в КК Украины), их составы как по количеству, так и по содержательной сути, являются практически идентичными. При существенных, безусловно, различиях в санкциях.

Таким образом, независимо от структурного (одно-, двух- или многоуровневого) построения уголовных кодексов государств ближнего зарубежья, четко прослеживается их прямая и непосредственная зависимость от национальных конституций: фактически все гарантированные права и свободы человека и гражданина защищаются судом, а судьи имеют уголовно-правовую защиту от возможных посягательств на свою деятельность по осуществлению правосудия. В равной степени все уголовные кодексы предусматривают меры государственного принуждения (уголовно-правовые санкции) за неисполнение, в широком смысле, обязанностей по службе, злоупотребления властью или должностными полномочиями, которые подрывают авторитет государства в целом и его органов, в т.ч. и в случае вмешательства в судебную деятельность.

Иного подхода, повторимся, и не может быть, поскольку законы и другие нормативно-правовые акты принимаются на основе Конституции и должны соответствовать ей (ст. 8 Конституции Украины). Аналогичные нормы содержатся в конституциях всех государств – бывших республик СССР (Республика Молдова не исключение) и стран западной демократии.

Несмотря на все сходства и различия в уголовно-правовой регламентации ответственности за преступные посягательства в сфере правосудия, уголовные кодексы обеих бывших союзных республик (как и нынешнее их национальное законодательство) имели общий недостаток.

В частности, не оправдано распространением было (и отчасти остается) использование оценочных понятий, бланкетных норм.

Например, «...иное противодействие администрации ...» в ст.391 УК Украины, или «передача ... других запрещенных предметов ...» в ст. 322 УК РМ. Содержание таких норм, как правило, невозможно было выяснить без обращения к нормам гражданского и хозяйственного законодательства, ведомственных нормативных актов.

То есть применение уголовно-наказуемых норм о преступлениях против правосудия требовало (и требует) искусственно осложненного обращения к нормам других глав Особенной части, а также нормативных актов других отраслей права.

Анализ правоприменительной судебной практики, на наш взгляд, убедительно доказывает нецелесообразность отнесения к преступлениям против правосудия деяний, которые непосредственно не связаны с осуществлением правосудия: заведомо ложный донос, заведомо ложные показания или отказ свидетеля от дачи показаний, отказ эксперта от дачи заключения на до-судебном следствии, невыполнение судебного решения, побег из мест лишения свободы или из-под стражи, нарушение правил административного надзора и т.п..

На наш взгляд, у законодателей было больше оснований для отнесения таких преступлений к категории совершенных против порядка управления, как таковых, что препятствуют (затрудняют) деятельности правоохранительных органов, которые (кроме прокуратуры) относятся к исполнительной, а не к судебной власти. Некоторые из них имеют все основания для отнесения к категории преступлений, посягающих на честь и достоинство человека и гражданина. Ведь действия лица, совершающего заведомо ложный донос, направляются, в первую очередь, против невиновного, а не против правосудия, как формы реализации государственной власти. И возбужденное по доносу уголовное дело, зачастую, не доходит до суда, а заканчивается на стадии досудебного следствия

процессуальным решением государственного органа, относящегося к другой (исполнительной, а не судебной) ветви власти.

Если говорить о национальном уголовном законодательстве Украины, то судебная реформа и реформа уголовной юстиции, введение в действие нового УПК непременно приведут, уверен, к внесению соответствующих изменений и в Уголовный кодекс в части регламентации ответственности за преступления против правосудия. На наш взгляд, это необходимо хотя бы с учетом общественного, идеологического и политического аспектов: если суждение о государстве как о правовом, демократическом и социально ориентированном напрямую зависит от доступности, справедливости и защищенности правосудия, необходимо исходить из «Основных принципов независимости правосудия», одобренных резолюциями 4032 и 40/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 23 ноября и 13 декабря 1985 года. В них, в частности, отмечалось (п. 2), что «... судебные органы решают переданные им дела ... без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угроз или вмешательства, прямого или косвенного, с любой стороны и по каким бы то ни было причинам» [13].

Предостережение международного сообщества, демократические принципы правосудия которого являются определяющими для Республики Молдова и Украины, признающих принципы деятельности Европейского Суда по правам человека и все постановленные им решения, в сегодняшних условиях приобретает особую смысловую нагрузку, требуя все новых ответов на затянувшиеся проблемы национального правосудия. Одни из ответов Украина уже подготовила принятием нового КПК, вобравшего в себя опыт европейских стран касательно, в частности, его защиты от непроцессуальных вмешательств.

Выводы. Исторический путь

развития правовых систем Республики Молдова и Украины, международный опыт стран устоявшейся демократии в вопросах защиты правосудия от любого вмешательства, рекомендации международных организаций, касательно содержания сути правосудия, как сферы государственной деятельности дают, на наш взгляд, достаточные основания для перегруппирования преступлений против правосудия в национальном законодательстве, перевода части из них в категорию преступлений против порядка управления (авторитета государства).

Указанное, кроме прочего, будет содействовать также и формированию реального представления о действительном состоянии правосудия, уточнению и реформатированию государственной политики по предотвращению преступных посягательств, а посредством официальной статистики – и формированию справедливого общественного мнения об уровне демократии в государстве.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс УССР, 1927 г. // Юрид. изд-во НКЮ СССР. – М., 1942
2. Уголовный кодекс РСФСР, 1922 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ug-kodekc.ru/>
3. Лозовицька Г.П. Сравнительно-правовой анализ преступлений против правосудия по законодательству государств ближнего зарубежья // Российский следователь /М.: 2009. – № 1. – с.37–40.
4. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ 1996 г. // Правоведение, 1996. – № 1
5. Конституція УРСР 1937р. // [Электронный ресурс].

– Режим доступа: <http://static.rada.gov.ua/site/const/istoriya/37>

6. Конституція УРСР 1978р. // Відомості Верховної Ради УРСР, 1978.– № 18. – с. 268.

7. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1959. – № 1. – Ст. 8

8. Кримінальний кодекс Української РСР, 1960 р. // К.: Юрінком Інтер, 1998 р.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Минск, изд-во Амалфея, 2008

10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.akademia.gr.gov.ua/ua>

11. Уголовный кодекс Грузии // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.com.ua/>

12. Уголовный кодекс Республики Молдова // С.-Петербург, изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

13. «Основні принципи незалежності судових органів» схвалені резолюціями 40/32 та 40/146 Генеральної Асамблеї ООН від 29.12 та 13.12 1985 року // Юридичний вісник України. – 2002. – 10. – № 40